

— ...Что-то не так, Яфуне-кун? Ты плохо себя чувствуешь?

Хотя Сакана с радостью согласился принять участие в нашей репетиции, я просто не мог сосредоточиться.

— ...Извини, похоже, сегодня у меня не лучший день...

— Что? Тогда, думаю, что смысла репетировать сегодня нет. Я иду домой~, — человек, который был причиной всей этой ситуации, действовал без малейшего беспокойства - он схватил свою сумку и вышел из класса.

— ...Ты в порядке? — обеспокоенно спросила Аоцуки-сан и взглянула мне в лицо.

В конце концов, она была такой же доброй как и всегда, но от этого мне становилось только больнее.

— Может быть, ежедневные репетиции после уроков - это слишком много...? Не нужно себя заставлять...

— Нет, дело не в этом. Но спасибо, что беспокоишься за меня.

—...В-все не так. Просто было бы неприятно, если бы ты не смог сыграть свою роль.

— Да, знаю.

—

Несмотря на то, что я сказал это, глаза Аоцуки-сан, казалось, пытались подчеркнуть, что я вообще ничего не понимаю.

— У-ум. — Она крепко сжала кулаки перед грудью и глубоко вздохнула.

Словно пытаюсь собраться с силами, она медленно открыла рот.

— Я... эм... не могу этого сказать, но... — Она сократила расстояние между нами, глядя прямо на меня. — Причина, по которой я волнуюсь... не в том, что было бы неприятно, если бы ты не смог сыграть свою роль.

Прекрати. Просто назови это беспокойством. Я не хочу слышать других причин.

— Яфуне-кун, ты тогда позвал меня... ты дал мне свою силу и всегда оставался со мной... ты всегда меня спасал... Вот почему, вот почему... эм... — Ее голос проник глубоко внутрь меня, заставляя чувствовать, словно я окутан теплом.

И это тепло снова вызвало у меня тошноту. Что происходит? Разве ты не относишься всегда холодно и отстранено по отношению ко всем? Не смотри на меня так. Твои добрые слова - как острый нож. Когда я тебя спасал? Я никогда никого не спасал, никогда никому не помогал. Я именно такой человек, так что не пойми меня неправильно.

Ядовитые чувства начали наполнять мое тело, сжигая сильную ярость по отношению к самому себе. Я не могу получить ничьей любви, не тогда, когда я так сильно ненавижу себя. Даже если это не любовь, а просто доброта - самопожертвование было слишком большим. Вот почему я заговорил. Вот почему я скажу тебе: я определенно не хочу, чтобы ты проявляла ко мне нежность.

— ...!

Прежде чем я это осознал, я уже некоторое время сжимал что-то маленькое и крошечное.

— Эм... Яфуне-кун?

Это было ее белое запястье.

— Аоцуки-сан.

Оно было таким тонким и хрупким, что я боялся, что могу сломать его, если приложу хоть какую-то силу, если продолжу удерживать его.

— Аоцуки-сан, ты меня ненавидишь, да?

Небо за окном окрасилось в красный. Это был символ позднего осеннего вечера. Красный... Когда я похвалил ее наряд в тот день, когда мы ходили по магазинам, и поддерживал ее, когда она чуть не упала, ее щеки тоже были красными. Я знал это. Во всяком случае, то, как она отчаянно пыталась связать свои слова несмотря ни на что, я уже должен был это понять. И даже так, я спокойно продолжил.

— Пожалуйста, скажи, что ты меня ненавидишь.

Мой голос, который я всегда старался сделать как можно более теплым и нежным... теперь звучал холодно, словно острая ледяная сосулька. Я мог сказать по её запястью, что Аоцуки-сан дрожит. Я думал об этом раньше, но теперь это снова пришло мне в голову.

Люди в этом мире делят всё на две крайности: «правду» и «ложь». Однако это еще не всё. Существуют чувства, причины, обстоятельства, или другие вещи, которые не черные или белые, а на самом деле серые. Поэтому сейчас все и белое, и черное одновременно. Я хочу, чтобы она меня ненавидела, хочу, чтобы она называла меня отвратительным. Чтобы услышать эти слова, я продолжал выкрикивать слова, похожие на рвоту и экскременты.

— С самого начала этого учебного года я чувствовал, что меня очень сильно спасло то, что ты училась в моем классе, Аоцуки-сан

Эти слова должны были вызвать ненависть. Но это были мои истинные чувства. Какими бы отвратительными они ни были. В конце концов...

— Я думал, что ты похожа на громоотвод.

Аоцуки-сан ничего не сказала. Поэтому я просто продолжил.

— На втором году обучения в средней школе, во время нашего спортивного фестиваля.

Это не имеет к ней никакого отношения.

— Во время битвы классов... со скакалкой. У нас была такая битва, и очень легко определить, когда кто-то не справляется, потому что скакалка зацепляется за него. Остальные одноклассники всегда смотрят на человека, совершившего ошибку взглядом говорящим: "Вот отстой". Особенно потому, что парень, занимающий первое место в школьной касте и хороший спортсмен, сказал что-то ненужное, вроде "Давайте вместе займем первое место!". Не то чтобы кто-то получил бы деньги за победу, или у него улучшились оценки. Все это не важно, я считаю, что важнее всего делать все возможное как команда.

Я до сих пор помню то время. Небо было ясное, светило довольно яркое солнце, несмотря на осень, и запах спортивных площадок щекотал мне нос.

— Как только перевалило за двадцать, напряжение достигло наивысшей точки. Совершившего ошибку будут винить все. Зачем так поступать, если в итоге это приведет к издевательствам над человеком? Я тогда продолжал думать: "Пожалуйста, пусть кто-нибудь споткнется, кто угодно, только не я", - и, к счастью, другой парень испортил ситуацию, нарушив ритм. Он был очень добрым и мягким парнем и никому не мешал, просто сидел в углу класса и читал свои книги, не желая выделяться. Но одна из девочек сказала "Блин, я действительно думала, что мы сможем победить" и начала плакать. Из-за этого атмосфера в классе испортилась. Забавно, правда? Тот кто хотел плакать больше всех, был именно этот парень, но плакать ему не дали. Это действительно несправедливо. А если серьезно, просто наблюдать со стороны было адом. — Несмотря на жестокую историю, я рассмеялся. — Я мог только стоять и смотреть, но совсем ничего не мог сделать.

Нельзя поступать с другими так, как тебе бы не хотелось, чтобы поступали с тобой. Так говорила мне моя учительница в начальной школе. И все же...

— Я должен был знать, как это должно быть мучительно, когда все в классе относятся к тебе холодно.

Если я повышу голос, чтобы защитить других, кто защитит меня, если объектом издевательств стану я? Единственный, кто может меня защитить, - это я сам.

— Я совсем не хотел попадать в такое положение, поэтому я вел себя так, будто ничего не видел.

Если бы я прикрыл того, кто стал жертвой издевательств в классе, я был бы следующим в их списке. Я был в ужасе от этой перспективы до такой степени, что у меня холодели кончики пальцев, и я не мог ничего сделать.

— Пока мы не стали в третьеклассниками и он не попал в другой класс, остальные всегда его отталкивали. Что касается меня, я по-прежнему популярен и сохраняю свое положение до окончания учебы.

Да, именно так. Поскольку, я отчаянно пытаюсь сохранить лицо, я нравлюсь окружающим. Я не могу помочь людям, которым хочу помочь, не могу говорить о вещах, которые мне нравятся, так почему же я нравлюсь другим? Несмотря на это, фальшивый [Я] все равно нравится окружающим, и такова реальность, с которой я столкнулся.

— ... Поступив в эту школу, я чувствую облегчение, потому что сочувствую тебе.

Аоцуки-сан уже некоторое время хранила молчание. Но я даже не мог посмотреть ей в лицо.

— Поскольку ты враг класса, я могу быть спокоен. Всякий раз, когда кто-то говорит о тебе плохо, я киваю в ответ: "Да, она полный отстой~" и присоединяюсь к всеобщему веселью.

Она действительно похожа на громоотвод, поглощающий всю ненависть. Если пожертвовать одним человеком в классе из 31 человека, то остальные 30 смогут счастливо смеяться. Я знаю, в этом нет логики, но что с того?

— Ты не согласна? Неразумно делать всех своими врагами. У каждого есть свои претензии, но не стоит говорить их, чтобы не выделяться в негативном свете. Если свободно высказывать их,

это только навредит. И у меня нет никаких обязательств помогать.

Слабый ветерок колыхал шторы. Ах, какое же небо красное.

— В манге и других вещах красавица - это почти всегда идеальное существо, но в реальности она только ухудшает настроение окружающим. Люди вокруг нее все время чувствуют себя неполноценными, все парни влюбляются в одну и ту же девушку, так что получается что-то вроде круговой поруки? Но в этом случае ты мне очень помогла. Даже если бы девушки почувствовали себя неполноценными по сравнению с тобой, я мог бы просто сказать что-нибудь вроде "Хоть она и красивая, но её манера говорить просто ужасна...", и они бы все сразу приободрились. Это даже работает и в обратном направлении. Сочувствуя тебе, я получаю бонусные баллы от девушек, меня называют добрым и все такое.

Интересно, почему я до сих пор не получил пощечину? Ах да, потому что я держу ее за запястье.

— Ты понимаешь? Твоей вины здесь нет, но, на мой взгляд, я смотрю на тебя с мыслью о выгоде и заслугах. Даже когда мы каждый день разговаривали в парке, я так говорил о тебе за твоей спиной. Знаешь, я не хотел, чтобы меня кто-то ненавидел. Я просто показываю хорошее лицо и делаю то, что необходимо. В конце концов, я полная противоположность тебе, Аоцуки-сан.

Она не боится, что ее возненавидят. Она не пытается приближаться к людям без всякой необходимости. Она прекрасно справляется сама и может добиться своей цели. Она даже сказала, что устроит спектакль на фестивале культуры. Насколько я могу судить, она замечательный человек, и поэтому я не могу не ненавидеть себя еще больше.

— Аоцуки-сан, до сегодняшнего дня ты знала только доброго и совершенного [Меня]. Но настоящий я просто дерьмовый ублюдок.

Точно, вот кто я на самом деле. Я не могу ошибаться. Быть любимым, быть счастливым, я не могу надеяться на что-то подобное.

— Вот почему я определенно не хочу, чтобы ты проявляла нежность по отношению ко [Мне].

Я хочу, чтобы меня любили, но в то же время не хочу, чтобы меня любили. Я хочу, чтобы она проявляла ко мне нежность, но в то же время не хочу. Это и мои искренние чувства, и одновременно ложь. Такой вот я никчемный человек.

... Я даже не мог поднять голову. Так что я остался в этом положении, глядя на свою форму.

— Ты это хотел сказать? Аоцуки-сан мягко убрала мою руку, державшую ее за запястье.

А затем она нежно обняла мою голову обеими руками.

— ...Ты действительно идиот.

Я завис, словно старый компьютер, и мне потребовалось несколько секунд, чтобы хотя бы понять, что только что произошло.

— ...Почему ты гладишь меня по голове, одновременно оскорбляя меня?

— Это делает ситуацию еще более невыносимой для тебя, верно?

Мое лицо уткнулось в грудь Аоцуки-сан, когда она нежно погладила меня по голове.

— Похоже, ты сожалел о своем образе жизни и хотел, чтобы тебя за это отругали.

Я этого не понимаю. Зачем ей это делать? Я не понимаю. Но мне так тепло.

— Яфуне-кун, я... — Обнимая меня, Аоцуки-сан заговорила, ее голос щекотал мои уши. — Я... очень противоречивый человек.

Она? С моей точки зрения, кажется, что ее образ жизни довольно прост.

— Вот почему я не скажу тебе тех слов, которые ты хочешь услышать.

Внутри моей головы царил беспорядок, я не мог понять смысла ее слов. Но ощущение ее маленьких рук, пробегающих по моим волосам... заставило меня почувствовать неконтролируемое желание заплакать.

— ...Нет, я изо всех сил стараюсь сказать прямо противоположное.

— ...Это не имеет никакого смысла.

Наверняка Аоцуки-сан не могла понять всего того, что я ей только что рассказал. Я ей даже не сказал, что это надо мной давным-давно издевались... Не то чтобы я никому об этом рассказывал. И всё же, я могу сказать, что она изо всех сил старалась принять все это, передавая мне своё тепло. В моем сердце живет желание оттолкнуть ее. Это вызывает тошноту. Я не заслуживаю никакой доброты.

— Аоцуки-сан... ты, должно быть, ненавидишь таких людей, как я.

Человек настолько жалкий, что все время поддается отчаянию.

— ...Ты не так умен, как думаешь.

— ...Это довольно жестоко.

— Ты действительно большой идиот. — Не отвечая на мой вопрос, она просто пробормотала эти слова.

Я слышал, как ее сердце колотится в груди.

— У тебя неправильное представление обо мне. Ты безнадежен.

— ...Ты так думаешь?

— Я так думаю. Так что не пойми неправильно...

Хотя она не сказала обо мне ничего положительного или позитивного... Интересно, почему. Глубоко внутри меня появилось такое чувство, будто я был прощен, и осколки, застрявшие у меня глубоко в груди, превратились в слезы, катящиеся по моим глазам.

— И-извини. — Боясь, что её униформа намокнет, я поднял голову. — Мне очень жаль. Что-то у меня с головой не так.

— ...Не беспокойся об этом. Ты, наверное, просто устал? Это моя вина, потому что я заставила тебя пройти через все эти репетиции.

Наконец мне удалось взглянуть на ее лицо, но я не обнаружил никаких следов ожидаемого гнева или презрения.

— В любом случае, пойдём сегодня домой и хорошенько отдохнем.

— Д-да.

Несмотря на все, что я сказал, она ведет себя так, будто ничего не произошло, и обращается со мной так, как всегда... Почему? Почему она такая?

— Как только ты вернешься в норму, мы сможем продолжить репетиции.

— ...Кажется, ты очень мотивирована, Аоцуки-сан.

— ...Ага. — Она посмотрела на небо за окном и пробормотала, — Я добьюсь своей цели... и всё тебе расскажу.

<http://tl.rulate.ru/book/56421/3570747>